

¹⁸ Журавлев А. Ф. Указ. соч. С. 45.

¹⁹ Колмогоров А. И. Чухарская свадьба: Черты обрядовой жизни чухарей // Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 374.

²⁰ Rantasalo A. V. Das Zurückführen im Herbst in den Viehstall // FFC. 148. Helsinki, 1953. С. 37.

²¹ Сурхаско Ю. Ю. Козичендашаува – жезл колдуна на карельской свадьбе // Из культурного наследия народов России. СМАЭ. Т. XXVIII. Л., 1972. С. 199–207.

²² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Указ. соч. С. 33. Пондала.

²³ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 151.

²⁴ Гуляева Л. П. Пастушеская обрядность на р. Паше (традиция и современность) // Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 177.

²⁵ Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 110.

Архивные источники

НА – научный архив Карельского научного центра РАН.

Винокурова И. Ю. Полевые записи 1983 г. // АКНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 681 (серверные вепсы).

Винокурова И. Ю. Полевые записи за 1990 г. (с. Немжа и Винницы) // АКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. № 105.

Линевский А. М. Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района // АКНЦ. Ф. 1. Оп. 32. № 237.

Макарьев С. А. Вепсский фольклор // АКНЦ. Ф. 26. Оп. 1. № 15.

Светляк (Фомин) А. В. Песни, обряды, обычаи, причитания, загадки, частушки в Лодейнопольском округе с общим описанием Шимозерского края и быта жителей // Архив Российского географического общества. Р. 119. Оп. 1. № 344.

ФА – фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Perttola J. Материалы Ю. Перттолы // SKS. N:o 211, 299, 389, 392, 427, 452, 1116–1118.

В. П. Миронова

ЗИМНИЕ СВЯТКИ У ЛИВВИКОВ

(ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 1990–2000-х гг.)

Календарные праздники были популярны среди карельского населения еще в середине XX в. Информанты с интересом рассказывают, как люди проводили их: собирались на беседы, танцевали и пели песни. Почти в каждой деревне, даже самой небольшой, насчитывающей десяток дворов, был в конце XIX – начале XX в. свой зимний и летний праздник. В это время люди из близлежащих деревень навещали в гости к родственникам, молодежь собиралась на гулянья.

Одним из самых интересных и загадочных праздников были зимние Святки, святочное время, с которым связано наибольшее количество обрядов, ритуальных действий, запретов, религиозно-магических представлений о сакральности этого времени¹. Природа в этот период находилась в особом состоянии, это было связано с движением солнца, с временем зимнего солнцестояния. Зимние Святки, или по-карельски *Sunnunmuana aigu* (ливвиковский диалект), продолжаются 12 дней, с 7 по 19 января, от Рождества до Крещения. Святки представляют собой довольно продолжительное «пороговое» время – на Святки заканчивается один год и начинается другой. Это переходное время можно связать с переломом зимы, зимние Святки осмысливаются как праздник возрождения солнца. Вместе с тем прослеживается связь этого праздничного периода с культом предков².

Прежде всего, обращает на себя внимание необычное название карельских Святков у ливвиков – *Sunnunmuana aigu*. Что же карелы подразумевали под этим непростым наименованием? Понятие это сложное, состоит из трех существительных, каждое из которых имеет свое отдельное лексическое значение. Определим для начала этимологию слова *Syndy*. Слова *synty*, *syndy*, *synd* можно встретить практически во всех финно-угорских языках. Главное его значение – *рождение*³. Но кроме этого значения исследователи выделили еще несколько. Слово *Syndy* встречается во многих карельских и финских заклинаниях, словом *synty* называли мифы о рождении или происхождении предметов или существ. Известный финский ученый Мартти Хаавио отмечает, что в заговорах *syndy* – это умершие, прародители. Знахарь в лечебных заговорах обращается к ним за помощью⁴. У олонечских карел и вепсов слово *Syndy* обозначает богов, Христа или иконы. Это слово часто встречается в причитаниях, причем в похоронных причитаниях *syndy* – это прародители, а в свадебных – иконы, образ⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что *Syndy* имеет прямое отношение к потустороннему миру, к миру мертвых.

Вторая часть наименования святочного времени у южных карел *Sunnunmuana/aigu*, слово *muana*. В словаре карельского языка можно найти несколько значений этого слова. Основное значение – *земля*. Третье слово – *aigu* – означает *время*⁶. Все это сложное слово можно перевести как *время пребывания Сюндю на земле*.

Реже у карел-ливвиков встречается наименование святочного времени *Viändöi*. В переводе с карельского глагол *viändiä* означает «поворачиваться». Вероятнее всего, слово связано с особенностью календарного времени – зима в это время поворачивается на лето⁷. Карелы-ливвики называют словом *Viändöi* и летние Святки, когда лето поворачивается на зиму. Таким образом можно предположить, что первоначально время *Viändöi* обозначало то самое поворотное время, которое есть и зимой, и летом, поэтому в рассказах иногда слова *Viändöi* и *Sunnunmuanaaigu* употребляются как синонимы.

«Ennen Viändöin aigah nimidä pahua ei ruattu. Eigo sporti, eigo nimidä pahuttu sanuo. Synnymuan aigah zamečaitih, stobi ylen äjjäl ei lomista da kol'Γuo». – «Раньше во время Святков ничего плохого не делали. Не спорить и ничего плохого не говорить. Во время Сюннюнмуа замечали, чтобы сильно не греметь да не стучать» (Записано от Н. И. Сергеевой, 1930 г. р., уроженки д. Хюрсюля. Зап. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова 1991 г., д. Соддер Пряжинского района. ФА⁸. 3265 / 74).

Олонецкие карелы чаще всего под словом Viändöi подразумевали летние Святки. Южнокарельские зимние Святки неразрывно связаны с именем святочного духа-хозяина Сюдю. Кроме Олонецкой Карелии рассказы об этом мифическом существе зафиксированы у ребольских и сегозерских карел. Дальше на севере, в Беломорской Карелии, святочный дух-хозяин именуется как Vierissän akka – баба Виеристя или Vierissän siga – Крещенская свинья⁹.

Карелы по-разному представляли себе мифическое существо Сюдю и по-разному рассказывали о его появлении. Наиболее устойчивы рассказы о появлении Сюдю с небес: «Vassilyö vaste Syndy muah heittyu». – «Перед Васильевым днем Сюдю на землю опускается» (К. Ф. Минина, род. в 1916 г., д. Репное. Зап. Л. И. Иванова в 1997 г. ФА. 3361/5).

«Rastavua vaste heittyu, a Vieristie vaste iereh nouzou. Häi buitegu, meile vahnebat saneltih, taivahas mual heittyu». – «Перед Рождеством опускается, а перед Крещением снова поднимается. Оно будто бы, как нам старшие говорили, с неба на землю спускается» (М. А. Фадеева, д. Пульчойла. Зап. А. С. Степанова в 1997 г. ФА. 3370/3).

«Kuspäibo häi heittyu?» – «Taivahaspäi heittyu». – «Откуда он спускается?» – «С неба опускается» (А. В. Волкова род. в 1925 г., д. Эссойла. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 1999 г. ФА. 3418/15) «Syndy taivahaspäi kirbou». – «Сюдю с неба падает» (М. Т. Юнилайнен род. в 1921 г., д. Руга. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Руга. ФА. 3459/16).

Среди рассказов о Сюдю встречаются и такие, которые повествуют о появлении мифического святочного духа из воды, чаще всего из проруби: «Mit'oin Mat'oi meni lähtiel, sit, sanou, lähties sie gu nouzou mitahto». – «Дмитриева Матрена пошла на прорубь и говорит, что из проруби поднимается что-то» (М. А. Фадеева, д. Пульчойла. Зап. А. С. Степанова, 1997 г. ФА. 3370/3). «(Syndy) nouzou, nouzou lähties». – «(Сюдю) поднимается, поднимается из проруби» (М. Н. Артамонова, род. в 1914 г., д. Меччелица. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Лахта. ФА. 3363/37).

Иногда поднявшегося из воды святочного духа сравнивали с водяным. Данные рассказы позволяют выявить связь Сюдю с водной стихией, которая свойственна представлениям населения средней и северной Карелии. Сохранились поверья и о внешнем виде мифического существа Сюдю. Многие

рассказчики описывают его невидимым. «Syndy ei ozutannuhes». – «Сюндю не показывается». О его пребывании можно узнать только по звукам.

Под влиянием христианства Сюндю стал подразумеваться как Бог: – «Mibo se Syndy on?» – «Ga, sanotah, Jumal heitty muale». – «A eigo sidä nähtä sua?» – «Ga, konesno, ei suõ». – А что такое Сюндю?» – «Говорят, Бог спускается на землю». – «А нельзя ли его увидеть?» – «Конечно, нельзя» (А. А. Чакоева, род. в 1919 г., д. Хараккамяги. Зап. В. П. Миронова в 1999 г., Ведлозеро. ФА. 3433/52).

По другим представлениям Сюндю поднимается из проруби в образе огромного волосатого мужика или мужика в тулупе. Иногда Сюндю появляется в образе копны сена. Представление о том, что копна может служить оболочкой мифического существа, зафиксировано и в других фольклорных традициях, в частности, в украинских мифологических рассказах, связанных со святочными гаданиями¹⁰. «Syndy nouzou, gu heiny suatto lähties». – «Сюндю поднимается из проруби, как копна сена» (М. Н. Артамонова, род. 1914, д. Меччелица. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Лахта. ФА. 3463/38). «Se sanottih, gu Syndy nähtih, se tuli, gu heiny-suatto. Heiny-suatto, nenga sanottih. Heiny-suatto». – «Говорили, когда Сюндю видели, он идет, как копна сена. Копна сена, так говорили. Копна сена» (Н. И. Сергеева, род. в 1930, д. Хюрсюля. Зап. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова в 1991 г., д. Соддер. ФА. 3265/75). «Syndy tulou, gu suatto vieröy». – «Сюндю идет, как копна кагитесь» (Е. Ф. Попова, род. д. Маччезеро, Зап. В. П. Миронова, 1999. Ведлозеро. ФА. 3340/7).

Таким образом, по рассказам карел-ливвиков Сюндю спускается на землю с небес или поднимается из воды в ночь на 7 января нового стиля. Можно сказать, что образ Сюндю связан или с небесной, или с водной стихией и имеет антропоморфные (появление Сюндю в образе мужчины) или фитоморфные (связанные с растительностью) черты. Часто Сюндю появляется как невидимое существо, и о его приходе можно было услышать только по шуму в риге или по звукам в бане при гадании.

К приходу Сюндю готовились, пекли ритуальное угощение – блины. Карелы называли их Synnyn val'at или Synnyn hattarat: «Kyzriä luajitah, suurdu kaikel riehtiläl. Synnyn hattarat varustetah, ainos sanottih». – «Блины пекли, большие на всю сковороду. Для Сюндю портянки готовлю, так говорили» (Р. И. Федулина, род. в 1938 г., д. Ангенлахта. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Рубчейла. ФА. 3464/28). Встречается и упоминание о приготовлении другого ритуального блюда – рождественских хлебцев. Они лежали сначала на столе, а затем – у икон. С ними исполняли определенные ритуальные действия. Иногда этот хлебец использовали как магический предмет в различных обрядах: при первом выгоне скота на пастбище, в начале жатвы и т.д.

«Synnyn muan aigah pastettih synnynleivästy, sit ikonah pannah net hänel. Sit konzu ikonanluo pietäh päivie kaksi-kolme, no iče ei syvvä. Sit mennäh pannah libo

sinne lumeh, libo sie varoi syöy, libo häi kylmäy, libo häi kunne kadou». – «Во время Святков ржаные хлебцы пекут и к иконе положат для него (для Сюндю). Потом у иконы держат дня два-три, но сами люди не едят. Потом идут или положат на улице на снег или ворон там съест, или замерзнет он, или куда исчезнет» (П. Д. Максимов, род. в 1936 г., д. Корбинаволок. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Лахта. ФА. 3460/42). «Se pastettih, konzu Syndy heitty muah. Nygoi sanotah: “Synnynmuanaigu roih, Syndy heitty”. Jumalan tagua ainos piettih, a ku lahtettih kylvösty kylvämäh enne, sit leibäine ainos otettih keral. Villyö kylvämäh, Pyhä П’I’akse sanottih. Pyhä П’I’u. A Jumaloin taguo piettih enne». – «Его пекли, когда Сюндю опускается на землю. Теперь говорят: “Время земли Сюндю” наступает, Сюндю опускается. За иконами все время держали, а когда сеять шли, все время этот хлебец с собой брали. Когда зерно сеяли. Святым Ильей называли. Святой Илья. А за иконами держали этот хлебец раньше» (М. Т. Юналайнен, род. в 1921, д. Руга. Зап. Л. И. Иванова, В. П. Миронова в 2000 г., д. Руга. ФА. 3459/18).

Время Святков, время пребывания на земле Сюндю было связано с гаданием и хождением ряжеными. Карелы-ливвики, в отличие от северных карел, называли ряженных *Smuutat* (у более северных групп карел распространен термин *huhl’akat*¹¹). Слово *Smuutat* произошло от слова *smuttia*, что в переводе означает «обманывать». Ряженные, конечно же, не были обманщиками, они прикрывали свои лица или обмазывали их сажей, ходили по дворам, пели, плясали, изображали различные сценки.

Чаще всего ряженные переодевались в старые одежды или вывернутые наизнанку тулупы, они изображали то нищих, то калек. Мужчины как правило, одевали женскую одежду, женщины – мужскую. При входе в дом их лица были закрыты концом платка или маской. Хозяева дома никогда не заглядывали под маски ряженных. Их часто поили чаем, давали угощения с собой. У южно-карельских ряженных-смуутов, как и ряженных других групп карел, встречаются характерные для ряженья знаки, которые известны во всей Европе. Этот кожух или тулуп, вывороченный мехом наружу, или вообще вывернутое наизнанку платье. Ряженные практически везде одевали маски, прятали лицо под платком, изменяли голоса при обращении к хозяевам дома. Эти действия, по мнению некоторых исследователей, связаны с пребыванием в стране мертвых¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Конкка А.* Элементы древней религиозно-мифологической структуры в календарной обрядности карел // Матер. VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989. С. 227–229; *Он же.* Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 339–378.

- ² *Криничная Н.А.* Русская мифологическая проза. Т. I. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001. С. 63.
- ³ *Karjalan kielen sanakirja.* V. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1997. S. 607.
- ⁴ *Haavio M.* Suomalainen mytologia. Helsinki, 1967. S. 284–285.
- ⁵ *Степанова А. С.* Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004. С. 265.
- ⁶ *Karjalan kielen sanakirja.* S. 607.
- ⁷ *Karjalan kielen sanakirja.* VI. Helsinki, 2005. S. 438–439.
- ⁸ ФА – фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
- ⁹ *Конкка А.* Святки в Панозере, или Крещенская свинья. Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 130–153.
- ¹⁰ *Криничная Н. А.* Указ. соч. С. 442.
- ¹¹ *Конкка А.* Календарные обряды карел. Святочное ряжение. Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. СПб., 2002.
- ¹² *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982.

В. В. Сурво

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИОННОЙ ВЫШИВКИ КАРЕЛИИ: ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Орнамент вышивки и тканья на одежде и предметах крестьянского быта народов Карелии стал привлекать внимание исследователей уже в XIX в. Изучение орнамента последовало за открытием богатого фольклорного наследия Олонецкой губернии. Этот край превратился в своеобразное место паломничества финляндских и российских исследователей традиционной культуры. В Олонецкой губернии в XIX – начале XX в. побывало множество финляндских собирателей (А. Шегрен, Э. Леннрот, И. Генетц, А. В. Рахконен, А. О. Хейкель, И. К. Инха и др.), благодаря чему был накоплен и частью издан фольклорно-этнографический материал по самым различным сторонам народной жизни карел и вепсов. Орнамент родственных племен интересовал финляндских ученых для конструирования востребованных в то время представлений о монолитной финской культуре, а затем и великофинляндского проекта. В конце XIX в. появились первые исследования о вышивке основоположника финляндской этнографии Т. Швиндта². В этом же направлении работал другой крупный этнограф того времени А. Хейкель, уделявший также большое внимание орнаменту финноязычных народов, и в первую оче-